

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Семантическое пространство слова складывается из системы его узуальных значений, из традиционно закрепленного за ним в языке набора сем и ассоциаций, а также из текстовых и речевых модификаций его семантики. Последние не всегда предсказуемы, поскольку опираются не только на системные, очевидные для любого носителя языка фоновые фразеологические особенности слова. Речевые видоизменения семантики лексемы часто происходят при сознательном нарушении стереотипов ее употребления и восприятия. Наиболее значительные смысловые сдвиги в семантическом пространстве слова наблюдаются при его употреблении в эстетически ориентированных шуточных текстах, сознательно построенных по законам языковой игры (ЯИ).

Вопрос о минимальной протяженности текста до сих пор остается в лингвистике спорным. На наш взгляд, к текстам особого рода - минитекстам - можно отнести толкования шуточного "Этимологического словаря" ("ЭС") Б.Ю.Нормана [4], а также все подобные случаи ЯИ, основанные на юмористическом осмыслении языковых - прежде всего словесных - единиц, такие, например, как *ареальный* 'нереальный', *мидия* 'дочь МИДа', *СНГ* 'Спаси нас, господи!', *спид* 'специфические последствия интернациональной дружбы' и др. Все такие фразы обладают признаками законченного текста, т.е. являются последовательностью вербальных единиц, объединенных формально-смысловой связью, что обуславливает их связанность и цельность [2, с. 507].

Предлагаемые заметки посвящены определению роли глаголов в создании эстетически ориентированных шуточных текстов и смысловым трансформациям, которые они при этом претерпевают. Особое внимание обращено на те особенности глагольного значения, которые остаются в процессе ЯИ наиболее стабильными, неизменными.

Выбор глаголов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, на первый взгляд, слова этой части речи

не играют значительной роли в процессах ЯИ. В ЯИ обычно вовлекаются слова именных частей речи. Об этом свидетельствуют не только личный опыт исследователей и творцов этого явления, но и статистические данные о частеречном составе переосмысливаемых в "ЭС" слов, полученные нами в результате анализа его словарика (см. табл. 1).

Таблица 1

Частеречный состав словарика "Этимологического словаря"
Б.Ю.Нормана

Группа слов	Количество слов в группе	То же в %
Имена существительные	445	92,8
Имена прилагательные	12	2,4
Глаголы и причастия	17/3	4
Наречия	3	0,6
Фразеологизмы	1	0,2
Всего:	481	100

Подавляющее большинство слов, участвующих в ЯИ, относятся к именам существительным; они составляют почти 93% всех лексем, подвергшихся шутливому переосмыслению: *толстосум* 'почтальон', *сквозняк* 'транзитный пассажир', *странник* 'человек с необъяснимым поведением'.

Глаголы и их формы, в частности причастия, становятся предметом комического переосмысления примерно в 40 раз реже, чем имена существительные: глаголы составляют лишь 2,4% в словнике "ЭС". Примерами могут служить такие лексемы, как *обмолоченный* 'облитый молоком', *обескровленный* 'лишившийся крыши', *вербовать* 'пороть вербой', *журить* 'судить конкурс', *заключать* 'запирать дверь', *насутиться* 'наесться супу', *ошалеть* 'купить пуховый платок'.

Единичны также случаи использования в ЯИ имен прилагательных, наречий и фразеологизмов: *апатичный* 'богатый аппатитом', *безграмотный* 'окончивший школу без похвальной грамоты', *едкий* 'съедобный', *оголтело* 'нагишом', *очень* 'пучеглазие', *вестибулярный аппарат* 'телефон в вестибюле'.

Редкое использование глаголов в ЯИ представляется по крайней мере странным, поскольку глаголы обладают некоторыми особенностями, не только позволяющими им активно

участвовать в ЯИ, но и требующими их обязательного использования в ней. Во-первых, именно глагол среди всех частей речи обладает наиболее значительным семантическим потенциалом, смысловой емкостью, склонностью к смысловому и семантическому варьированию. Во-вторых, при вовлечении слова в ЯИ создается особый окказиональный контекст, который устанавливает новые формально-смысловые связи и отношения обыгрываемой лексемы с другими языковыми единицами. В ходе ЯИ происходит свертывание мотивировочного суждения, существование которого невозможно без явного или скрытого предиката¹, в окказиональное слово: *арифметика* 'белый стих' <-- стихотворение, *не обладающее* (а-) рифмой²; *артишок* 'нервное *потрясение* (шок) у артиллеристов (арти-)'; *баллистика* 'раздел педагогики' <-- *оценка* знаний учащихся в баллах (балл); *бакалавр* '*продавец* в бакалейной лавке (бакалея)' и т.п. Особенно очевидно это при анализе имен прилагательных, которые, как правило, истолковываются через причастие: *непосредственный* '*живущий* не по средствам', *непутевый* '*отдыхающий* без путевки, диким способом', *едкий* '*съедобный*' (отглагольное прилагательное), *превосходный* '*предрассветный* *происходящий* перед рассветом и т.п.

Приведенные наблюдения заставляют более внимательно присмотреться к тому, как - прямо или опосредованным образом - включается глагол в процесс ЯИ, каковы семантические основания этого процесса. Лишь учет всех способов вовлечения глагольных лексем позволит судить о роли данной части речи в создании эстетически ориентированных комических текстов.

Прямое включение глаголов в ЯИ - переосмысление глагольной лексемы в целом или ее отдельных форм - встречается достаточно редко. В "ЭС" зафиксировано примерно 20 подобных примеров. К приведенным выше лексемам можно добавить глаголы *опешить* 'оказаться вытолкнутым из трол-

¹ Об этом же пишет Ю.Д.Апресян: "... в подавляющем большинстве словообразовательных типов семантически имеет место отглагольное словообразование независимо от того, сопутствует ли ему формальная производность от глагола или нет" [1, с. 294].

² В кавычках приводится шутовское толкование слова в "ЭС"; затем, если необходимо, - восстанавливаемый окказиональный мотиваторный контекст; в скобках указан звуковой комплекс или морфема, позволившие переосмыслить слово; ремонтивацию, глагольное или отглагольное слово - предикат.

лейбуса', *опрашивать* 'стсл. опылять', *сочиться* 'отдыхать в Сочи', *судачить* 'заниматься рыбной ловлей', *сопеть* 'подпевать в хоре', *семенить* 'сеять', *ручаться* 'здороваться за руку', *пригубить* 'не совсем погубить', *топорщиться* 'сказочн. Питаться щами из топора', *четвертовать* 'выставлять оценки за четверть'. В периодических изданиях 1995 г. зафиксированы случаи шутивого переосмысления глаголов *оголиться* 'забить гол. Команда оголилась', *увещевать* 'одеваться, приобретать одежду. Как лучше себя увещевать? В смысле одежды?', причастия *подавлен* 'Автомобиль был подавлен падением трех железобетонных блоков' и др.

Значительно чаще происходит **опосредованное, вовлечение глагола в ЯИ**: через переосмысление его дериватов или через обыгрывание какого-либо слова с помощью окказионального текстового глагольного мотиватора.

17% всего словника "ЭС" (80 слов из 481) составляют дериваты, образованные от узуальных глаголов: 79 отглагольные существительные и одно отглагольное прилагательное: *саженец* 'рецидивист' (узуальное значение: 'молодое дерево или растение, предназначенное для посадки', *сажать* --> *саженец*), *сиделка* 'колония' (узуальное значение: 'медсестра, которая сидит рядом с лежащим больным и ухаживает за ним', *сидеть* --> *сиделка*), *сбыт* 'мечта, ставшая реальностью' (узуальное значение: 'процесс распространения, продажи готовых изделий', *сбыть* --> *сбыт*), *усугубление* 'сбривание усов' (узуальное значение: 'действие по глаголу *усугубить*' --> *усугубление*), едкий 'съедобный' (узуальное значение: 'такой, который разъедает', *есть* --> *едкий*) и т.п.

При шутивом переосмыслении отглагольных лексем большинство из них и в тексте остается отглагольными дериватами. Лишь 14 слов из 80 заменяют узуальный глагольный мотиватор на субстантивный: *шипучка* 'шипучее вино' (*шипеть*) --> 'роза с шипами' (*шип*), *чертеж* 'результат черчения' (*чертить*) --> 'преисподняя' с чертами (*черт*), сомнение 'действие по глаголу *сомневаться*' --> 'коллективное мнение' (*мнение*), *пачкун* 'неаккуратный человек' (*пачкать*) --> 'упаковщик' в пачки (*пачка*), *осознание* 'действие по глаголу *осознать*' --> 'раздел энтомологии: изучение ос' (*оса*), *окурок* 'недокуренная сигарета, папироса и т.п.' (*курить*) --> 'цыпленок 3-й категории' (*кура*), *договор* 'процесс по глаголу *договориться*' --> 'профессиональный вор-собачник' (*вор* и *дог*), см. также *примочка*, *заморыш*, *западня*, *зарубка*.

загородка, водитель, усугубление, ухарь. Таким образом, глагольность переосмысливаемых отглагольных дериватов - достаточно "прочное" их свойство, от которого им трудно "избавиться".

Еще более часто используется иной способ вовлечения глагола в процесс ЯИ - приписывание переосмысливаемому слову окказионального глагольного мотиватора. Таких слов в "ЭС" 194; большинство из них (189) - имена существительные (*тычинка* - 'указательный палец', которым *тыкают*; *грабли* - 'воровской инструмент', то, чем *грабят*, *лицемер* - 'антрополог', который *измеряет лица* и другие части тела для выявления типов людей, *жар-птица* - 'цыпленок табака', которого *жарят*; жаргон - 'аспирин', который *гонит жар*); три имени прилагательных (*дирижабельный* - 'такой, которым легко *дирижировать*', *едкий* - 'съедобный' (*есть*), *терпкий* - 'выносливый', такой, который может *терпеть*), два наречия (*оготело* - 'нагишом', *оголя* тело; *давно* - 'жмых', который давили, *жали*).

Среди окказионально отглагольных слов встречаются лексемы, имеющие в качестве узуального мотиватора не только глагол (*колун* - 'топор, которым *колют* дрова' и 'мед-брат', который *колет* уколы; *кожемяка* - 'тот, кто выделывает шкуры животных, *мнет кожу*' и 'массажист', который *мнет* кожу человека), но и другие части речи (*бездарь* - 'бездарный человек' и 'человек, которому ничего *не подарили* на день рождения'; *дирижабельный* - 'относящийся к *дирижаблю*' и 'вполне пригодный для *дирижирования*', *латынь* - 'латинский язык' и 'заплата', которой *латают*, *нелепица* - 'что-л. *нелепое*' и 'некачественный пластилин', который *не лепится*). Иногда слова, обладающие текстовым глагольным мотиватором, в языке относятся к непроизводным лексемам: *бегония* - 'беговая дорожка', *бодяга* - 'корова, которая *бодается*', *бричка* - 'парикмахерская', где *бреют*, *брешь* - 'ложь', *брехня* и т.п. Последняя группа слов, среди которых много заимствований, стремящихся приобрести внутреннюю форму, количественно очень значительна. Примечательно, что ремотивация непроизводных лексем наиболее часто происходит за счет появления в тексте окказионального мотиватора процессуальной, а не какой-либо иной категориально-грамматической семантики.

При анализе фактов ЯИ бросается в глаза, что слова всех частей речи, кроме глаголов, могут легко изменять свою

категориально-грамматическую семантику: существительное *антипод* осмысляется как предлог *над*; прилагательные *бессознательный, беспорочный, беспорядочный, бесчувственный* - как сочетание существительного *бес* с определением - прилагательным *бес сознательный, бес порочный, бес порядочный, бес чувственный*; наречия *давно* и *очень* - как существительные *жмых* и *пучеглазие*, междометие *нотабене* - как существительное с определением *хорошая музыка* и т.п.

В процессе ЯИ может изменяться и лексико-грамматическая характеристика слов: имя нарицательное становится именем собственным (*фаустпатрон* 'Мефистофель', *хрестоматия* 'Богородица') и, наоборот, имя собственное - нарицательным (*цельсий* 'снайпер', *междуречье* 'перерыв в заседаниях'), конкретное существительное - отвлеченным (*драп* 'ткань' --> 'бегство'; *завалинка* 'насыпь около основания дома' --> 'экзаменационная сессия', процесс по глаголу *завалить* на экзамене; *мокрица* 'растение' --> 'дождливая погода') или собирательным (*мираж* 'видение' --> 'совокупность мирных соглашений'), отвлеченное существительное - конкретным (*намаз* 'религиозное действие, обряд' --> 'абстракционистская картина'; *нелепица* 'что-л. нелепое' --> 'пластилин, который не лепится').

Примеры подобного переосмысления слов именных частей речи многочисленны и разнообразны. Глагол ведет себя в этом отношении иначе. Он достаточно бережно относится к своей процессуальной семантике и стремится сохранить ее: не выявлено ни одного случая изменения частеречной принадлежности глагола при его шутливом переосмыслении. 84% отглагольных дериватов также сохраняют свое отглагольное происхождение. Почти половина неотглагольных лексем, вовлеченных в ЯИ, приобретает окказиональный текстовый глагол - мотиватор.

К выводу об устойчивости, стабильности глагольной семантики при неузואльном использовании этой части речи приводит и анализ деривационных значений переосмысляемых отглагольных или окказионально отглагольных слов.

Узуальные отглагольные дериваты, вовлеченные в ЯИ (большинство из них, как уже отмечалось, относится к именам существительным), имеют в современном русском языке разную словообразовательную семантику. Они обозначают производителя действия (26 слов из 79: *бракодел* 'тот, кто производит, делает брак', *водитель* 'тот, кто водит автотранс-

порт', гончая 'собака, которая гонит дичь' и др.), его объект или результат (22 слова: *выжимки* 'то, что осталось от растения после выжимания из него масла', *вырезка* 'вырезанное мясо, без костей', *договор* 'результат по действию договориться' и др.), само действие (16 слов: *выхлоп* 'выброс отработанного газа при работе автомашины', *жатва* 'процесс уборки хлебов' и др.), его орудие (11 слов: *качалка* 'то, с помощью чего качаются', *кусачки* 'инструмент, с помощью которого удаляют, откусывают что-л. лишнее', *отвертка* 'инструмент, с помощью которого отвертывают какие-либо детали' и др.) или место осуществления (4 слова: *выгон* 'место куда выгоняют скот', *парилка* 'место, где парятся', *трясина* 'заболоченное место, где трясет при езде').

Степень устойчивости деривационной семантики отглагольных производных в ходе ЯИ различна: она колеблется в пределах от 18 до 75% (см. табл. 2, графа 5). Наиболее устойчивы отглагольные субстантивы, обозначающие действие или его состояние: 75% из них сохранили это узуальное словообразовательное значение (СЗ) и в тексте. Например, *челобитье*: узуальное лексическое значение (ЛЗ) - 'обращение с прошением, просьбой' (СЗ - 'действие, обозначенное фразеологизмом *бить челом*'), текстовое ЛЗ - 'соревнование по боксу' (СЗ - 'действие по глаголу *бить в лицо, чело*'); *нагоняй*: узуальное ЛЗ - 'выговор, взбучка' (СЗ - 'действие по фразеологизму *нагнать страху*'), текстовое ЛЗ - 'спурт, резкое кратковременное увеличение скорости движения на финиш-ной прямой, предпринимаемое для того, чтобы нагнать и перегнать противника' (СЗ - 'действие по глаголу *нагонять*'); *жатва*: узуальное ЛЗ - 'уборка хлебов' (СЗ - 'действие по глаголу *жать/жну*'), текстовое ЛЗ - 'рукопожатие' (СЗ - 'действие по глаголу *жать/сжимать*'). Лишь четверть существительных со значением отвлеченного действия изменяет свое СЗ на иное, обычно отглагольное, ср.: *болтовня*: узуальное ЛЗ - 'склонность к долгим, бессодержательным разговорам' (СЗ - 'действие по глаголу *болтать*'), текстовое ЛЗ - 'гайка, которая, болтается' (СЗ - 'производитель действия глагола *болтаться*'), или 'болт' женского пола (СЗ - 'лицо' женского пола); *выволочка*: узуальное ЛЗ - 'выговор, порицание' (СЗ - действие по устар. глаголу *выволочь* 'ругать'), текстовое ЛЗ - 'вывернутая наволочка' (СЗ - 'объект, результат действия по глаголу *вывернуть - выволочить*').

Таблица 2

**Узуальная и текстовая деривационная семантика
отглагольных субстантивов в "Этимологическом словаре"
Б.Ю. Нормана**

Группа дериватов с тем или иным СЗ	Количество дериватов с тем или иным узуальным СЗ	То же в %	Количество дериватов с тем или иным текстовым СЗ				
			Текстовое СЗ совпадает с узуальным	% производных, сохранивших свое узуальное СЗ в тексте	Данное СЗ появилось только в тексте	Всего производных с таким СЗ среди отглагольных субстантивов "ЭС"	% производных с данным текстовым СЗ среди отглагольных субстантивов "ЭС"
1	2	3	4	5	6	7	8
Действие	16	20	12	75	6	18	23
Производитель действия	26	33	19	73	17	36	46
Объект - результат действия	22	28	6	27	4	10	13
Орудие действия	11	14	2	18	2	4	3,5
Место действия	4	5	1	25	5	6	8
СЗ, не связанные с глаголом	-	-	-	-	5	5	6,5
Всего:	79	100	40	50	39	79	100

Примечание. В таблице использовано условное сокращение СЗ - словообразовательное значение.

Достаточно устойчивы в процессах ЯИ и субстантивы со значением производителя действия: это СЗ сохраняют 73% отглагольных дериватов, удельный вес существительных с такой деривационной семантикой в тексте вырос с 33% до 46%. Например, *несушка* - 'курица, которая несет яйца' и 'женщина, несущая авоську' (СЗ - 'производитель действия женского пола по действиям, обозначаемым разными ЛСВ

глагола *нести*'); *самовар* - 'национально-русская посуда для чая, которая 'сама варит чай' и 'холостяк, который варит себе сам' (СЗ - 'одушевленный или неодушевленный производитель действия *варить*')'; *ухажер* - 'мужчина, ухаживающий за женщиной с целью добиться ее благорасположения' и 'любитель рыбного супа', любитель жрать уху (СЗ - 'производитель действия по глаголу *ухаживать* или словосочетанию *жрать уху*'). Только каждое четвертое агентивное существительное изменяет свое СЗ, например, *гончая* - 'собака' (СЗ - 'производитель действия по глаголу *гнать дичь*') и 'гон чая' (СЗ - 'действие по глаголу *гнать чай*'); *оборотень* - 'нечистая сила, способная обернуться другим живым существом' (СЗ - 'производитель действия по глаголу *обернуться*') и 'перелицованный пиджак' (СЗ - 'объект-результат действия по глаголу *перелицевать*, *перевернуть*').

Значительно менее устойчивы и склонны к трансформациям в ходе ЯИ дериваты со значением объекта, результата, орудия или места совершения действия, особенно первые три группы производных, доля которых в тексте упала примерно в 1,5 - 3 раза (см. табл. 2, графы 3, 8). Большая часть таких производных в результате шутивого переосмысления получила иное СЗ. Например, существительное *загородка* 'плетень и т.п., загораживающее что-л.' в ходе ЯИ приобрело значение 'загородная дача', в результате чего СЗ орудия действия изменилось на отсубстантивное значение 'место расположения предмета'; существительное *приварок* 'дополнительный заработок, прибыль' было переосмыслено как 'сварочный аппарат', что привело к замещению СЗ результата действия значением орудия его осуществления; существительное *мазь* 'лекарство определенной консистенции, которое намазывают на какой-л. участок тела' под влиянием текстового мотиватора *мазать* 'совершать промашки' приобрело значение 'серия промахов' и изменило СЗ объекта действия на значение отвлеченного действия; ср. субстантив *выжимки* в ходе ЯИ сохранил СЗ объекта - результата действия (*выжимки* - 'отходы производства' и 'выжатые плавки'), существительное *рубильник* в обоих значениях ('*выключатель*', и '*топор*') сохранил СЗ орудия действия.

За счет шутивого переосмысляемых лексем наиболее значительно пополнились группы существительных со значением производителя, объекта-результата и орудия совершения действия (см. табл. 2, графы 3, 8). Агентивными существи-

тельными стали орудийные субстантивы *качалка* 'нянька', *колун* 'лесоруб', *кусачки* 'оса', *проигрыватель* 'неудачливый игрок', локативное существительное *парилка* 'дельтаплан', дериват со значением отвлеченного действия *договор* 'квалифицированный вор-собачник'. В разряд объектно-результативных перешли агентивные существительные *ветрогон* 'парусник', *оборотень* 'перелицованный пиджак', существительное со значением отвлеченного действия *выволочка* 'вывороченная наволочка'; в разряд орудийных - агентивное *выжига* 'электроинструмент для работы по дереву' и результативное *приварок* 'сварочный аппарат'.

Несохранение отглагольными субстантивами объектно-результативной, орудийной и локативной семантики обусловлено тем, что с процессом действия максимально слит только его субъект, другие участники ситуации более автономны по отношению к нему: информация о них представляется менее значимой и не "требующей" обязательного сохранения [5, с. 75, 136].

Приведенные выше примеры и количественные данные свидетельствуют о том, что наиболее часто, легко и достаточно эффективно участвуют в ЯИ отглагольные дериваты конкретной семантики, наименее склонны к ЯИ, наиболее консервативны - девербативы со значением одушевленного производителя действия. Вероятно, это связано с богатством семантико-ассоциативного потенциала конкретных существительных, который отмечается многими исследователями и создает благоприятную основу для любого, в том числе шутливого, переосмысления таких слов. В то же время самые "близкие" глаголу дериваты со значением действия и его производителя (именно они формируют качественно определенное действие) достаточно консервативны и устойчивы.

К подобным выводам приходит и М.Н.Янценецкая [4]. Проведенный ею анализ особенностей лексического значения разных групп слов показал, что нежесткость и многоаспектность организации концептов и лексических значений конкретно-предметных слов обуславливает различные варианты актуализации их признаков при функционировании слова в тексте [5, с. 42 - 44], а одноаспектность семантики субстантивов со значением одушевленного объекта или производителя действия - возможность семантического развития лишь в одном направлении. В значении неодушевленных существительных находит отображение разнохарактерная информация о называемом классе предметов, все то, что связано с ними в

сознании носителей языка: представления о пространственных, временных, предметных характеристиках предмета, о его практической пользе и тех причинно-следственных отношениях, в которые он включается. Все эти семантические составляющие могут участвовать в мотивации [5, с. 217]. Одушевленные же субъект и объект обладают более сложной семантикой, чем неодушевленные лексемы: наряду с компонентами значения, отражающими признаки предмета, они содержат семы, связанные с признаками анимального, ментального, социального. Именно последние признаки задают направление преобразования значений этих слов и сужают пределы их контекстно-семантического варьирования [5, с. 134].

С этими выводами коррелируют и результаты анализа тех слов, которые стали отглагольными в результате ЯИ. Лексемы, получающие вследствие шутивого переосмысления текстовый глагольный мотиватор, приобретают и соответствующее СЗ, характеризуя тот или иной акт действия. Большинство из таких существительных приобретают в тексте значение производителя действия (42% от числа всех окказионально отглагольных): *жгутик* 'мальчик со спичками', который *жжет*; *жрец* и *полиглот* - 'чревоугодник', который *любит пожрать*, глотать; *закладка* 'ябеда, доносчица', которая *закладывает* кого-л. начальству; *лягушка* 'лошадь, которая *лягается*'. 24% всех текстово-девербативных субстантивов начинают обозначать само действие или состояние: *коварство* 'кузнечное ремесло' (*ковать*), *листовка* 'студ. наверстывание упущенного перед экзаменом' (*листать*), *намаз* 'макияж' (*намазаться*), *лобзик* 'поцелуй в лоб' (*лобзать* + *лоб*); 21% приобретает семантику объекта-результата действия: *колено* 'расколотое полено' (*колоть* + *полено*); *заплата* 'гонорар' (*заплатить*); *зазубрина* 'зазубренное правило'; *отрасль* - 'борода', которую *отрастили*; *парубок* - 'пень', который остался после *порубок, вырубок*. Лишь единичные лексемы обретают локативное или орудийное значение: *архитрав* - 'сильный яд', которым *травят*; *грабли* 'орудие *грабителя*', *дышло* - 'легкие', то, чем *дышат*; *бегония* - 'беговая дорожка', место где *бегают*; *зрелище* - 'парник, оранжерея', где что-то *зреет*; *готовальня* - 'столовая', место *готовят еду* и едят.

Итак, удельный вес лексем с тем или иным деривационным значением, приобретенным в результате окказио-

нально-текстовой мотивации глаголом, свидетельствует о том, что наиболее часто при ЯИ актуализируются деривационные связи действия с его производителем и объектом или представление о самом действии. Это обусловлено, во-первых, тем, что связи субъект - действие - объект наиболее сильны и прочны в сознании любого носителя русского языка: именно они определяют качественную специфику действия и представляют собой в свернутом виде ситуацию, обозначаем глаголом; во-вторых, субъектно-объектные характеристики предиката являются языковой универсалией и одной из доминант человеческого сознания; в-третьих, тем, что именно этот уровень семантики, являющийся интерпретационным, сигнификативным по своей сути, предопределяет словообразующие возможности глагола, его способность мотивировать не только глаголы, но и имена [5, с. 139].]. Последнее и обуславливает преимущественно не прямое участие глагола в процессах ЯИ - через его дериваты или окказионально текстовую мотивацию глагольным словом.

Таким образом, при вовлечении глагола в ЯИ "работают" глубинные пласты его семантики, связанные с пропозициональной сущностью этой части речи. Именно это в целом и приводит к "парадоксальности" участия глагольных лексем в создании эстетически ориентированных шуточных текстов: внешне участие глагола в процессах языковой игры незначительно и случайно, но внутренне - чрезвычайно важно, естественно и жизненно необходимо для существования ЯИ как особого феномена.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* К построению языка при описании синтаксических связей слов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Морозова Т. С.* Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Автореф. канд. дис. М., 1980.
4. *Норман Б. Ю.* Энциклопедический словарь // Норман Б. Ю. Язык - знакомый незнакомец. Минск, 1977. С. 207 - 221.

5. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово /Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1991.

В.Ю. Прокофьева
РГПУ им. А.И.Герцена
(Санкт-Петербург)

ФРАГМЕНТ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (лексическое представление пространства в прозаических текстах Вяч.Иванова)

«"Верх" и "низ" имеют... абсолютное и строго топографическое значение. Верх - это небо; низ - это земля; земля же - это поглощающее начало (могила, чрево) и начало рождающее, возрождающее (материнское лоно). Таково топографическое значение верха и низа в космическом аспекте» [1].

В статье Вяч. Иванова "Символика эстетических начал" мифологическое противопоставление *верх - низ, божественное - дьявольское* дополняется третьим элементом, в свою очередь противопоставленным каждому из них. Используя эстетические категории, Вяч. Иванов говорит о возвышенном ("восхождение"), прекрасном ("нисхождение") и хаотическом ("дионисийство"), что упрощенно можно представить так: возвышенное - небо, божественное, духовное; прекрасное - земля, земное; дионисийское - подземное, ночное, демоническое.

"Трихотомическое деление космической модели (*небо - "средняя земля" - подземный мир*. - В.П.) - результат двойного противопоставления верха и низа, а затем и дифференцированной характеристики нижнего мира.

... Земля как место обитания людей, расположенная между "верхним" и "нижним" мирами, часто обозначается как средний мир, средняя земля" [2].

Верх ("возвышенное", "восхождение") - "бытие высочайшее", "феномен религиозный". Само употребление слов с "духовной" семантикой говорит о божественном понимании этой категории.

Восхождение, будучи абстрактным понятием, представлено вполне зримыми образами: "*восходящая, взвивающаяся линия*", "*взмывший орел*", "*прянувший вал*", "*напряже-*